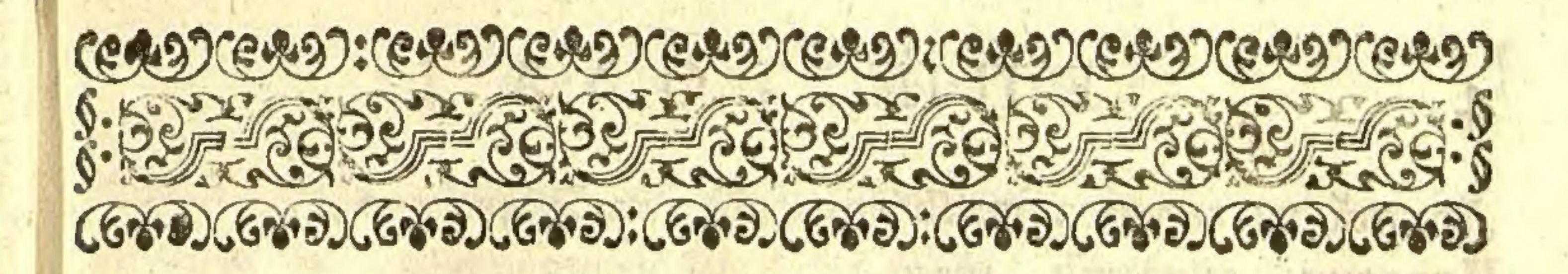
ДВѢ ЕПИ́СТОЛЫ,

АЛЕКСА́НДРА СУМАРО́КОВА.

Въ перьвой предлагается о Рускомъ языкѣ, а во второй о Стихотворствѣ.

1774.

ЕПИСТОЛА I.

Для общихъ благъ мы то передъ скотомъ имѣемъ,
Что лутче, какъ они другъ друга разумѣемъ,
И помощїю словъ пространна языка,
Все можемъ изъяснить, какъ мысль ни глубока.
Описываемъ все и чувствїе и страсти,
И мысли голосомъ дѣлимъ на мѣлки части.
Приявъ драгой сей даръ отъ щедраго творца,
Изображенїемъ вселяемся въ сердца.
То, что постигнемъ мы, другъ другу сообщаемъ,
И въ письмахъ то своихъ потомкамъ оставляемъ.
Но не такїя, такъ полезны языки,
Какими говорятъ Мордва и Вотяки:
Возмемъ себѣ въ примѣръ словесныхъ человѣковъ:
Такой намъ надобенъ языкъ, какъ былъ у Грековъ,
Какой у Римлянъ былъ, и слѣдуя въ томъ имъ,
Какъ нынѣ говоритъ Италїя и Римъ,
Каковъ въ прошедшїй вѣкъ прекрасенъ сталъ Французской,
Иль на конецъ сказать, каковъ способенъ Русской.
Довольно нашъ языкъ въ себѣ имѣетъ словъ;
Но нѣтъ довольнаго числа на немъ писцовъ.
Одинъ послѣдуя несвойственному складу,
Влечетъ въ Германїю Россїйскую палладу,
И мня что тѣмъ онъ ей приятства придаетъ,
Природну красоту съ лица ея беретъ.

Другой не выучась такѣ грамотѣ, какѣ должно,
Поруски, думаетѣ, всево сказать не можно,
И взявѣ пригоршни словѣ чужихѣ, сплетаетѣ рѣчь,
Языкомѣ собственнымѣ, достойну только сжечь.
Иль слово вѣ слово онѣ вѣ слогѣ Русской переводитѣ,
Которо на себя вѣ обновѣ не походитѣ.
Тотѣ прозой скаредной стремится кѣ небесамѣ,
И хитрости своей не понимаетѣ самѣ.
Тотѣ прозой и стихомѣ ползетѣ, и письма оны,
Ругаючи себя, даетѣ писцамѣ вѣ законы.
Хоть знаетѣ, что ему во мзду смѣется всякѣ;
Однако онѣ своихѣ не хочетѣ видѣть вракѣ.
Пускай, онѣ думаетѣ, меня никто не хвалитѣ:
То сѐрца моево нимало не печалитѣ:
Я самѣ себя хвалю: на что мнѣ похвала?
И знаю то, что я искусенѣ дозѣла.
Зѣло, зѣло, зѣло, дружокѣ мой ты искусенѣ,
Я спорить не хочу, да только складѣ твой гнусенѣ.
Когда не вѣришѣ мнѣ; спроси хотя у всѣхѣ:
Всякѣ скажетѣ, что тебѣ перомѣ владѣти, грѣхѣ.
Но только ли того? не можно и помыслить,
Чтобѣ враки мнѣ писцовѣ подробно всѣ изчислить.
Кто пишетѣ, долженѣ мысль прочистить напередѣ,
И прежде самому себѣ подать вѣ томѣ свѣтѣ;
Но многїя писцы о томѣ не разсуждаютѣ,
Довольны только тѣмѣ, что рѣчи составляютѣ.
Несмысленны чтецы, хотя ихѣ не поймутѣ,
Дивятся имѣ, и мнятѣ что будто тайна тутѣ,
И разумѣ свой покрывѣ читая темнотою,
Невнятный складѣ писца приемлютѣ красотою.
Нѣтѣ тайны никакой безумственно писать.
Искусство, чтобѣ свой слогѣ исправно предлагать,

Чтобѣ

Чтобъ мнѣніе творца воображалось ясно,
И рѣчи бы текли свободно и согласно.
Письмо, что грамоткой простой народъ зоветъ,
Съ отсутствующими обычну рѣчь ведетъ:
Быть должно безъ затѣй и кратко сочиненно,
Какъ просто говоримъ, такъ просто изъяснено.
Но кто ненаученъ исправно говорить,
Тому не безъ труда и грамотку сложить.
Слова̀, которыя предъ обществомъ бываютъ,
Хоть ихъ перомъ, хотя языкомъ предлагаютъ,
Гораздо должны быть пышняе сложены̀,
И ри́торскихъ красы въ нихъ были включены,
Которыя въ простыхъ словахъ хоть необычны;
Но къ важности рѣчей потребны и приличны,
Для изъясненія разсудка и страстей,
Чтобъ тѣмъ входить въ серца̀, и привлекать людей.
Намъ въономъ щастлива природа путь являетъ,
И двери чтеніе къ искусству отверзаетъ.
Посемъ скажу, какой похваленъ переводъ:
Имѣетъ въ слогѣ всякъ различіе народъ.
Что очень хорошо на языкѣ Францу́зскомъ,
То можетъ въ точности быть скаредно на Ру́сскомъ.
Не мни переводя, что складъ въ творцѣ готовъ;
Творецъ даруетъ мысль; но не даруетъ словъ.
Въ спряженіе рѣчей его ты не вдавайся,
И свойственно себѣ словами украшайся.
На что степень въ степень послѣдовать ему?
Ступай лишъ тѣмъ путемъ, и область дай уму.
Ты симъ, какъ твой творецъ писмомъ своимъ ни славенъ,
Достигнешъ до него, и будешъ самъ съ нимъ ра́венъ.
Хотя передъ тобой въ три пуда Лексико́нъ,
Не мни, чтобъ помощь далъ тебѣ велику онъ,

Коль рѣчи и слова поставишь безъ порядка:
И будетъ переводъ твой нѣкая загадка,
Которую ни кто не отгадаетъ въ вѣкъ;
То даромъ, что слова всѣ точно ты нарекъ.
Когда переводить захочешъ безпорочно;
Не то, творцовъ мнѣ духъ яви и силу точно.
Языкъ нашъ сладокъ, чистъ и пышенъ и богатъ;
Но скупо вносимъ мы въ нево хорошїй складъ;
Такъ чтобъ незнанїемъ ево намъ не безславить;
Намъ должно весь свой складъ хоть нѣсколько поправить,
Не нужно, что бы всѣмъ надъ риѳмами потѣть,
А правильно писать потребно всѣмъ умѣть.
Но льзя ли требовать отъ насъ исправна слога;
Затворена къ нему въ ученїи дорога.
Лишъ только ты склады немного поучи,
Изволь писать Бову, Петра златы ключи.
Подьячїй говоритъ: писанїе тутъ нѣжно,
Ты будешъ человѣкъ, учися лишъ прилѣжно.
И я то думаю, что будешъ человѣкъ;
Однако грамотѣ не станешъ знать во вѣкъ.
Хоть лучшимъ почеркомъ съ подьяческа совѣта,
Четыре литеры сплетай ты въ слово лѣта,
И вычурно писать научишся, конецъ;
Повѣрь что никогда не будешъ ты писецъ.
Перенимай у тѣхъ, хоть много ихъ, хоть мало,
Которыхъ тщанїе искусству ревновало,
И показало имъ, коль мысль сїя дика,
Что не имѣемъ мы богатства языка.
Сердись, что мало книгъ у насъ, и дѣлай пѣни:
Когда книгъ Русскихъ нѣтъ, за кѣмъ итти въ степени?
Однако больше ты сердися на себя,
Иль на отца, что онъ не выучилъ тебя.

А есть либъ юность ты не прожилъ своевольно;
Ты бъ могъ въ писанiи искусенъ быть довольно.
Трудолюбивая пчела себѣ беретъ,
Отвсюду, то, что ей потребно въ сладкiй медъ,
И посѣщающа благоуханну розу,
Беретъ въ свои соты, частицы и съ навозу.
Имѣемъ сверьхъ того духовныхъ много книгъ:
Кто виненъ въ томъ, что ты псалтыри не постигъ,
И бѣгучи по ней, какъ въ быстромъ морѣ судно,
Съ конца въ конецъ разъ сто промчался безразсудно.
Коль, АЩЕ, ТОЧIЮ, обычай истребилъ;
Кто нудитъ, чтобъ ты ихъ опять въ языкъ вводилъ?
А что изъ старины понынѣ неотмѣнно,
То, можетъ быть тобой повсюду положенно.
Не мни что нашъ языкъ, не тотъ, что въ книгахъ чтемъ,
Которы мы съ тобой, не Русскими зовемъ.
Онъ тотже, а когда бъ онъ былъ иной, какъ мыслишъ,
Лишъ только отъ того, что ты ево не смыслишъ;
Такъ чтожъ осталось бы при Русскомъ языкѣ?
Отъ правды мысль твоя гораздо въ далекѣ.
Не знай наукъ, когда не любишъ ихъ, хоть вѣчно,
А мысли выражать знать надобно конечно.

* * *

ЕПИСТОЛА II.

О вы! которыя стремитесь на Парнасъ,
Нестройнаго гудка имѣя грубый гласъ,
Престаньте возпѣвать! пѣснь ваша непрелестна,
Когда музыка вамъ прямая неизвѣстна.
Но въ нашемъ ли одномъ народѣ только врутъ,
Когда искусства нѣтъ, или разсудокъ худъ?
Прадонъ и Шапеленъ, не токмо ли писали,
Гдѣ въ ихъ же времена стихи свои слагали
Корнелїй и Расинъ, Депро и Молїеръ,
Де ла Фонтенъ, и гдѣ имъ слѣдуетъ Волтеръ.
Нельзя чтобъ тотъ себя писмомъ своимъ прославилъ,
Кто Грамматическихъ не знаетъ свойствъ ни правилъ,
И правильно письма не смысля сочинить,
З хочетъ вдругъ творцомъ и стихотворцомъ быть.
Онъ только лишъ слова на риѳму прибираетъ;
Но сплетенный вздоръ стихами называетъ.
И что онъ сплететъ нескладно безъ труда,
Передовсѣми то читаетъ безъ стыда.
Стихи слагать не такъ легко, какъ многимъ мнится,
Незнающїй одной и риѳмой утомится.
Не должно, чтобъ она въ плѣнъ нашу мысль брала;
Но что бы нашею невольницей была.
Не надобно за ней безъ памяти гоняться;
Ѳна должна сама намъ въ разумѣ встрѣчаться,
И къ стати приходивъ ложиться гдѣ велятъ.
Невольныя стихи чтеца не веселятъ.

А оное

А оное не плодЪ единыя охоты;
Но прилѣжанія и тяжкія работы.
Однако тщетно все; когда искусства нѣтЪ;
Хотя творецЪ трудясь струями потЪ прольетЪ,
А паче есть ли кто на ГеликонЪ дерзаетЪ,
Противу силЪ своихЪ, и грамотѣ не знаетЪ.
ОнЪ мнитЪ, что онЪ слѣпикЪ стишокЪ, себя вознесЪ,
Предивной хитростью до самыхЪ до небесЪ.
ТотЪ кто не гулявалЪ плодовЪ приятныхЪ са́домЪ,
За вишни клюкву есть, рябину виноградомЪ,
И вкусЪ имѣя грубЪ, бездѣльныя труды,
ПредЪ общество кладетЪ за сладкія плоды.
ВзойдемЪ на Гелико́нЪ, взойдемЪ, увидимЪ тамо
ТворцовЪ, которыя достойны славы прямо.
ТамЪ царствуетЪ Гоме́рЪ, тамЪ Са́фо, Ѳеокри́тЪ,
Ешѝлл, Анакрео́нЪ, Софо́клЪ, и Еври́пидЪ,
Мена́ндрЪ, Аристофа́нЪ, и Пи́ндарЪ возхищенный,
Ови́дій сладостный, Вирги́лій несравненный,
Тере́нтій, Пе́рсій, ПлавтЪ, Гора́цій, Ювена́лЪ,
Лукре́цій, и Лука́нЪ, Тибу́ллЪ, Проперцій, ГаллЪ,
Мальге́рбЪ, Русо́, Кино́, французовЪ хорЪ реченный,
Мильто́нЪ и ШекеспирЪ хотя непросвѣщенный,
ТамЪ ТассЪ, и Арі́остЪ, тамЪ Ка́моенсЪ, и ЛопЪ,
ТамЪ Ѳо́ндель, Ги́нтерЪ тамЪ, тамЪ остроумный ПопЪ.
ПослѣдуемЪ такимЪ писателямЪ великимЪ.
А ты несмысленный воспѣваешЪ гласомЪ дикимЪ.
Все то что дерзостно невѣжа сочинитЪ,
Труды ево, ему, преобращаетЪ вЪ стыдЪ.
БезЪ пользы на Парна́ссЪ слагатель смѣлый всходитЪ,
Коль Аполло́нЪ ево на верьхЪ горы̀ не взводитЪ.
Когда искусства нѣтЪ, иль ты не тѣмЪ рожденЪ,
Не строенЪ будетЪ гласЪ, и слогЪ твой принужденЪ.

А есть ли естество тебя тѣмъ одарило;
Старайся, чтобъ сей даръ искусство украсило.
Знай въ стихотворствѣ ты различіе родовъ,
И что начнешъ, ищи къ тому приличныхъ словъ,
Не раздражая музъ худымъ своимъ успѣхомъ:
Слезами Та́лію, а Мельпоме́ну смѣхомъ.
Пастушка за сребро и злато на лугахъ,
Имѣетъ весь уборъ въ единыхъ лишъ травахъ.
Лугъ камней дарагихъ и перлъ ей не являетъ:
Она главу и грудь цвѣтами украшаетъ.
Подобно, каковый всегда на ней нарядъ,
Таковъ быть долженъ весь въ стихахъ пастушьихъ складъ,
Въ нихъ гордыя слова̀, сложенїи высоки,
Въ лугахъ подымутъ вихрь и возмутятъ потоки.
Оставь свой пышный гласъ въ идиллїяхъ своихъ,
И въ паствахъ не глуши трубой свирѣлокъ ихъ.
Панъ скроется въ лѣса̀ отъ звучной сей погоды,
И Ни́мфы у потокъ уйду́тъ отъ страха въ воды.
Любовнуль пишешъ рѣчь или пастушїй споръ:
Чтобъ не былъ ни учтивъ ни грубъ ихъ разговоръ,
Чтобъ не былъ твой пастухъ крестьянину примѣромъ,
И не былъ бы опять придворнымъ Кавале́ромъ.
Вспѣвай въ идиллїи мнѣ ясны небеса,
Зеленыя луга̀, кустарники, лѣса̀,
Біющїя ключи, источники и рощи,
Весну, приятный день, и тихость темной нощи.
Дай чувствовати мнѣ пастушью простоту,
И позабыть, стихи читая, суету.
Плачевной музы гласъ быстряе проницаетъ,
Когда она въ любви власы̀ свои терзаетъ,
Но весь ея возторгъ свой нѣжный краситъ,
Единымъ только тѣмъ, что серце говоритъ,

Любо-

Любовникъ въ сихъ стихахъ стенанье возвѣщаетъ,
Когда Авроринъ всходъ съ любезной быть мѣшаетъ.
Или онъ воздохнувъ часы свои клянетъ,
Въ которыя въ глазахъ ево Ирисы нѣтъ.
Или жестокости Филисы вспоминаетъ,
Или своей драгой свой пламень открываетъ.
Иль съ нею разлучась, представивъ тѣ красы,
Со вздохами твердитъ прешедшія часы.
Но хладенъ будетъ стихъ, и весь твой плачъ притворство,
Когда то говоритъ едино стихотворство:
Не жалокъ будетъ складъ, оставь и не трудись;
Коль хочешъ то писать, такъ прежде ты влюбись.
Гремящій въ одѣ звукъ, какъ вихорь слухъ пронзаетъ,
Хребетъ Рифейскихъ горъ далеко превышаетъ.
Въ ней молнія дѣлитъ на полы горизонтъ,
То, верьхъ высокихъ горъ скрываетъ бурный понтъ.
Единъ Гаданьемъ градъ отъ Сфинкса избавляетъ,
И сильный Геркулесъ злу Гидру низлагаетъ.
Скамандрины брега боговъ зовутъ на брань.
Великій Александръ кладетъ на Персовъ дань.
Великій ПЕТРЪ свой громъ съ бреговъ Бальтійскихъ мещетъ
Россійскій мечъ во всѣхъ концахъ вселенной блещетъ.
Творецъ такихъ стиховъ, вскидаетъ всюды взглядъ,
Взлѣтаетъ къ небесамъ, свергается во адъ,
И мчася въ быстротѣ во всѣ края вселенны,
Врата и путь вездѣ имѣетъ отворенны.
Что въ стихотворствѣ есть, всѣмъ лучшимъ стихъ крася,
И гласъ Епическій до неба вознося,
Лѣтай во облакахъ, какъ въ быстромъ морѣ судно,
Но возвращаясь въ низъ спускайся лишъ разсудно.
Пекись, чтобъ не смѣшать по правамъ Лирнымъ думъ;
Въ Епическомъ стихѣ порядоченъ есть шумъ.

Гласъ

Гласъ лирный такъ, какъ вихрь порывами терзаетъ,
А гласъ Епическій не дерзостно взбѣгаетъ,
Колеблется не вдругъ, и ломитъ такъ какъ вѣтръ
Бунтующь многи дни возшедъ изъ земныхъ нѣдръ.
Сей стихъ есть полнъ притворствъ, въ немъ добродѣтель смѣло
Преходитъ въ божество, приемлетъ духъ и тѣло.
Минерва мудрость въ немъ, Діяна чистота,
Любовь, то Купидонъ, Венера красота.
Гдѣ громъ и молнія, тамъ ярость возвѣщаетъ
Разгнѣванный Зевесъ, и землю устрашаетъ.
Когда встаетъ въ моряхъ волненіе и ревъ,
Не вѣтеръ то шумитъ, Нептунъ являетъ гнѣвъ.
И ехо есть не звукъ, что гласы повторяетъ,
То, Нимфа во слезахъ Нарцисса вспоминаетъ.
Еней перенесенъ на Африканскій брегъ,
Въ страну, въ которую имѣли вѣтры бѣгъ,
Не приключеніемъ; но гнѣвная Юнона
Стремится погубить остатокъ Иліона.
Еолъ въ угодность ей средьземный понтъ терзалъ,
И грозныя валы до облакъ воздымалъ.
Онъ мстилъ Парисовъ судъ за выигрышъ Венеры,
И вѣтрамъ растворилъ глубокія пещеры.
По семъ разсмотримъ мы свойство и силу драммъ,
Какъ долженъ представлять творецъ пороки намъ,
И какъ должна цвѣсти святая добродѣтель:
Посадской, Дворянинъ, Маркизъ, Графъ, Князь, владѣтель
Возходятъ на театръ: творецъ находитъ путь,
Смотрителей своихъ, чрезъ дѣйство умъ тронуть.
Когда захочешъ слезъ, введи меня ты въ жалость,
Для смѣху предомной представь Мирскую шалость.
Не представляй двухъ дѣйствъ, къ смѣшенію мнѣ думъ;
Смотритель къ одному свой устремляетъ умъ.

Руга-

Рутается смотря единаго онъ страстью,
И безпокойствуетъ единаго напастью:
Аѳины и Парижъ зря красну Царску дщерь,
Котору умерщвлялъ отецъ, какъ лютый звѣрь,
Въ стенанїи своемъ единогласны были,
И только лишъ о ней потоки слезны лили.
Не тщись глаза и слухъ различїемъ прельстить,
И бытїе трехъ лѣтъ мнѣ въ три часа вмѣстить:
Старайся мнѣ въ игрѣ часы часами мѣрить;
Чтобъ я забывшися, возмогъ тебѣ повѣрить,
Что будто не игра то дѣйствїе твое;
Но самое тогда случившесь бытїе.
И не бренчи въ стихахъ пустыми мнѣ словами,
Скажи мнѣ только то, что скажутъ страсти сами.
Не здѣлай трудности и мѣстомъ мнѣ своимъ,
Что бъ мнѣ театръ твой зря имѣючи за Римъ,
Не полѣтеть въ Москву, а изъ Москвы къ Пекину;
Всмотряся въ Римъ, я Римъ такъ скоро не покину.
Явленїями множъ желанїе творецъ,
Познать, какъ дѣйствїю положишъ ты конецъ.
Трагедїя намъ плачъ и горесть представляетъ,
Какъ люто, напримѣръ, Венеринъ гнѣвъ терзаетъ.
Въ прекрасной описи, въ Расиновыхъ стихахъ,
Трезенскїй Князь забылъ о рыцарскихъ играхъ,
Воспламененїе почувствовавши крови.
И вѣчно быть преставъ противникомъ любови,
Предъ Арисїею стыдяся говоритъ,
Что онъ уже не сталъ сей гордый Ипполитъ,
Который иногда стрѣламъ любви ругался,
И симъ презрѣнїемъ дѣлъ нѣжныхъ величался.
Страшатся Греки, чтобъ сынъ Андромахинъ имъ,
По возрастѣ своемъ не сталъ отцомъ своимъ.

Трепещутъ имени Гекторова народы,
Которыя онъ гналъ отъ стѣнъ Троянскихъ въ воды,
Какъ онъ съ побѣдою по трупамъ ихъ бѣжалъ,
И въ корабли ихъ огнь изъ рукъ своихъ металъ.
Страшася, плодъ его стремятся погубити,
И въ отрасли весь корнь Пріамовъ изтребити:
Пирръ хочетъ спасть ево: защита немала!
Но чтобъ сія вдова женой ему была.
Она въ смятеніи низвержена въ двѣ страсти,
Не знаетъ, что сказать при выборѣ напасти.
Богининъ сынъ противъ всѣхъ Грековъ возстаетъ,
И Клитемнестринъ плодъ, подъ свой покровъ беретъ.
Неронъ прекрасную Іюнью похищаетъ,
Возлюбленный ея отъ яда умираетъ:
Она, чтобъ жизнь ему на жертву принести,
Дѣвичество свое до гроба соблюсти,
Подъ защищеніе статуи прибѣгаетъ,
И образъ Августовъ слезами омываетъ:
И послѣ таковыхъ свирѣпыхъ ей судьбинъ,
Лишася брачныхъ думъ, Вестальскій емлетъ чинъ.
Монимѣ за любовь приносится отрава.
Аталья Франціи и Мельпоменѣ слава.
Меропа безъ любви тронула всѣхъ сердцѣ,
Умноживъ въ славу плескъ преславнаго творца:
Творецъ ея нашелъ богатство Геликона.
Альзира наконецъ Вольтерова корона.
Каковъ въ трагедіи, Расинъ былъ, и Вольтеръ,
Таковъ въ комедіяхъ искусный Моліеръ.
Какъ славятъ напримѣръ тѣхъ Федра и Меропа,
Не менше и творецъ прославленъ Мизантропа.
Мольеровъ лицемѣръ, я чаю не падетъ,
Въ трехъ перьвыхъ дѣйствіяхъ, доколь пребудетъ свѣтъ.
Жена-

Женатый Философъ, Тщеславный, возсіяли,
И честь Детушеву въ безсмертіе вписали.
Для знающихъ людей ты игрищъ не пиши;
Смѣшить безъ разума даръ подлыя души.
Не представляй того, что мнѣ на мигъ приятно;
Но чтобъ то дѣйствіе мнѣ долго было внятно.
Свойство комедіи, издѣвкой править нравъ:
Смѣшить и пользовать, прямой ея уставъ.
Представь бездушнова подьячева въ приказѣ,
Судью, что не пойметъ, что писано въ указѣ.
Представь мнѣ щоголя, кто тѣмъ вздымаетъ носъ,
Что цѣлый мыслитъ вѣкъ о красотѣ волосъ:
Который родился, какъ мнитъ онъ, для амуру;
Чтобъ гдѣ нибудь къ себѣ склонить такуюжъ дуру.
Представь латынщика на диспутѣ ево,
Который не совретъ безъ ЕРГО ничево.
Представь мнѣ гордова раздута какъ легушку,
Скупова, что готовъ въ удавку за полушку.
Представь картежника, который снявши крестъ,
Кричитъ изъ заруки съ фигурой сидя ресть.
О таинственникъ музъ! уставовъ ихъ податель!
Разборщикъ стихотворствъ, и тщательный писатель,
Который Франціи музъ жертвенникъ открылъ,
И въ чистомъ слогѣ самъ примѣромъ ей служилъ,
Скажи мнѣ Боало, свои въ Сатирахъ правы,
Которыми въ стихахъ ты чистилъ грубы нравы!
Въ Сатирахъ должны мы, пороки охуждать,
Безумство пышное въ смѣшное превращать,
Страстямъ и дуростямъ играючи ругаться;
Чтобъ та игра могла на мысли оставаться,
И что бы въ страстныя серца она втекла:
Сіе намъ зеркало сто разъ нужняй стекла.

Тщеславный лицемѣрѣ святымѣ себя являетѣ,
И вѣ мысли ближнему погибель сплетаетѣ.
Льстецѣ кажется, что онѣ всея вселенной другѣ,
И отрыгаетѣ ядѣ во знакѣ своихѣ услугѣ.
Набитый ябедой прехищный душевредникѣ,
Старается, чтобѣ былѣ у всѣхѣ людей наслѣдникѣ,
И что противу правѣ заграбивѣ получитѣ,
Сѣ неправеднымѣ судьей на части то дѣлитѣ.
Богатый бѣднаго невинно угнѣтаетѣ,
И совѣсть изѣ судей мѣшками выгоняетѣ,
Которы богатясь страхѣ Божїй позабывѣ,
Пекутся лишѣ о томѣ, чтобѣ правый судѣ сталѣ кривѣ.
Богатый вѣ ихѣ судѣ не зритѣ ни вѣ чемѣ препятства:
Наука, честность, умѣ, по ихѣ, среди богатства.
Охотникѣ до вѣстей, коль нѣчево сказать,
Бѣжитѣ сѣ двора на дворѣ, и мыслитѣ что солгать.
Трусѣ, пьянѣ напившися возносится отвагой,
И за робятами гоняется со шпагой.
Такое что нибудь представь Сатирикѣ намѣ.
Разсмотримѣ свойство мы, и силу Епиграммѣ:
Они тогда живутѣ красой своей богаты,
Когда сочинены остры и узловаты:
Быть должны коротки, и сила ихѣ вся вѣ томѣ,
Чтобѣ нѣчто вымолвить сѣ издѣвкою о комѣ.
Складѣ басенѣ долженѣ быть шутливѣ, но благороденѣ,
И низкїй вѣономѣ духѣ кѣ простымѣ словамѣ пригоденѣ,
Какѣ то де ла Фонтенѣ разумно показалѣ,
И басеннымѣ стихомѣ преславенѣ вѣ свѣтѣ сталѣ.
Наполнилѣ сѣ головы до ногѣ всѣ притчи шуткой,
И сказки пѣвѣ игралѣ все тоюже погудкой.
Быть кажется, что стихѣ по волѣ онѣ вертѣлѣ,
И мнится, что писавѣ ни разу не вспотѣлѣ:

Парнас-

Парнасски дѣвушки перомъ ево водили,
И въ простотѣ рѣчей искусство погрузили.
Еще есть складъ смѣшныхъ Геройческихъ поемъ,
И нѣчто помянуть хочу я и о немъ:
Онъ въ подлу женщину Дидону превращаетъ,
Или намъ бурлака Енеемъ представляетъ,
Являя рыцарьми буяновъ, забїякъ;
И такъ такихъ поемъ шутливыхъ складъ двоякъ.
Въ одномъ богатырей ведетъ отвага въ драку,
Парисъ Өетидину далъ сыну перебяку.
Гекторъ не на войну идетъ, въ кулачной бой,
Не воиновъ, бойцовъ ведетъ на брань съ собой.
Зевесъ, не молнїю, не громъ съ небесъ бросаетъ,
Онъ изъ кремня огонь желѣзомъ высѣкаетъ,
Не жителей земныхъ имъ хочетъ устрашить,
На что-то хочетъ онъ лучинку засвѣтить.
Стихи владѣющи высокими дѣлами,
Въ семъ складѣ пишутся пренизкими словами.
Въ другомъ такихъ поемъ искусному творцу,
Велитъ перо давать духъ рыцарскїй борцу.
Поссорился буянъ: не подлая то ссора;
Но гонитъ Ахиллесъ прехрабраго Гектора.
Замаранный кузнецъ въ семъ складѣ есть Вулканъ,
А лужа отъ дождя, не лужа, океанъ.
Робенка баба бьетъ: то гнѣвная Юнона.
Плетень вокругъ гумна; то стѣны Илїона.
Въ семъ складѣ надобно, чтобъ муза подала
Высокїя слова, на низкїя дѣла.
Въ епистолы творцы тѣ рѣчи избираютъ,
Какїя свойственны тому, что составляютъ:
И самая въ стихахъ сихъ главна красота,
Чтобъ былъ порядокъ въ нихъ, и въ слогѣ чистота.

Сонетъ, Рондо, Балладъ: игранье стихотворно;
Но должно въ нихъ играть разумно и проворно.
Въ Сонетѣ требуютъ чтобъ очень чистъ былъ складъ.
Рондо бездѣлица, таковъ же и Балладъ.
Но пусть ихъ пишетъ тотъ, кому они угодны,
Хороши вымыслы и тамо благородны.
Составъ ихъ хитрая въ бездѣлкахъ суета:
Мнѣ стихотворная приятна простота.
О пѣсняхъ нѣчто мнѣ осталося представить.;
Хоть пѣснописцовъ тѣхъ никакъ нельзя исправить,
Которыя что стихъ не знаютъ, и хотятъ
Нечаянно попасть на сладкїй пѣсенъ ладъ.
Нечаянно стихи изъ разума не льются,
И мысли ясныя невѣжамъ не даются.
Коль строки съ рифмами: стихами то зовутъ.
Стихи по правиламъ премудрыхъ Музъ плывутъ.
Слогъ пѣсенъ долженъ быть, приятенъ, простъ и ясенъ,
Витїйствъ не надобно; онъ самъ собой прекрасенъ,
Чтобъ умъ въ немъ былъ сокрытъ, и говорила страсть;
Не онъ надъ нимъ большой; имѣетъ серце власть.
Не дѣлай изъ Богинь красавицѣ примѣра,
И въ страсти не вспѣвай: Прости моя Венера,
Хоть всѣхъ собрать Богинь, тебя прекрасняй нѣтъ:
Скажи прощаяся: Прости теперь мой свѣтъ!
Не будетъ дня, чтобъ я не зря очей любезныхъ,
Не источалъ изъ глазъ своихъ потоковъ слезныхъ.
Мѣста, свидѣтели минувшихъ сладкихъ дней,
Ихъ станутъ воображать на памяти моей.
Ужъ начали меня терзати мысли люты,
И окончалися приятныя минуты.
Прости въ послѣднїй разъ, и помни какъ любилъ.
Кудраво въ горести никто не говорилъ:

Когда

Когда съ возлюбленной любовникъ разстается,
Тогда Венера въ мысль ему не попадется.
Ни ударенія прямова нѣтъ въ словахъ,
Ни сопряженія малѣйшаго въ рѣчахъ,
Ни риѳмъ порядочныхъ, ни мѣры стопъ пристойной,
Нѣтъ въ пѣснѣ скаредной, при мысли недостойной.
Но что я говорю при мысли? да въ такой
Изрядной пѣсенкѣ нѣтъ мысли никакой:
Пустая рѣчь, конецъ не видѣнъ, ни начало;
Писцы въ нихъ бредятъ все, что въ разумъ ни попало.
О чудныя творцы, престаньте вздоръ сплетать!
Нѣтъ славы никакой несмысленно писать.
Во окончаніи еще напоминаю
О разности стиховъ, и рѣчи повторяю:
Коль хочешъ пѣть стихи; помысли ты сперьва,
Къ чему твоя творецъ способна голова.
Не то пой, что тебѣ противу силъ угодно:
Оставь то для другихъ: пой то тебѣ, что сродно.
Когда не льститъ тебѣ всегдашній града шумъ,
И ненавидитъ твой лукавства свѣтска умъ,
Пріятна жизнь въ мѣстахъ, гдѣ къ услажденью взора,
И обонянія, ликуетъ красна Флора,
Гдѣ чистыя струи по камышкамъ бѣгутъ,
И птички сладостно Аврорин восходъ поютъ,
Одною щедрою довольствуясь природой,
И насыщаются дражайшею свободой;
Пускай на верьхъ горы взойдетъ твоя нога,
И око кинетъ взоръ въ зеленыя луга;
На рѣки, озера, въ кустарники, въ дубровы:
Вотъ мысли тамъ тебѣ по склонности готовы.
Когда ты мягкосердъ и жалостливъ рожденъ,
И еждели притомъ любовью побѣжденъ;

Пиши Елегіи, воспѣвай любовны узы,
Плачевнымъ голосомъ, стенящей де ла Сюзы.
Когда ты рвешся зря на свѣтѣ тьму страстей;
Ступай за Боаломъ, и исправляй людей.
Смѣшсялъ страсти зря! представь мнѣ ихъ примѣромъ,
И представляя ихъ, ступай за Молїеромъ.
Когда имѣешъ ты духъ гордый, умъ лѣтущъ,
И въ друіъ изъ мысли въ мысль стремительно бѣгущъ;
Оставь Идиллїю, Елегїю Сатиру,
И Драммы для другихъ: возми гремящу Лиру,
И съ пышнымъ Пиндаромъ взлѣтай до небеси,
Иль съ Ломоносовымъ гласъ громкій возноси:
Онъ нашихъ странъ Мальгербъ: онъ Пиндару подобенъ:
А ты Штивелїусъ лишъ только врать способенъ.
Имѣя важну мысль, великолѣпный духъ;
Произай воинскою трубой вселенной слухъ:
Пой Ахиллесовъ гнѣвъ, иль двигнутъ Русской славой,
Воспой Великаго ПЕТРА мнѣ подъ Полтавой.
Чувствительняй всего трагедія сердцамъ,
И таковымъ она вручается творцамъ,
Которыхъ можетъ мысль входить въ чужїя страсти,
И серце чувствовать, другихъ бѣды, напасти.
Виргилій брани пѣлъ, Овидій воздыхалъ,
Горацій громкій гласъ при Лирѣ испускалъ,
Или изъ высоты сходя страстямъ ругался,
Въ которыхъ Римлянинъ безумно упражднялся.
Хоть разный взяли путь, однако посмотри,
Что сладко пѣвъ они прославились всѣ три.
Все хвально Драмма ли, Еклога или ода:
Слагай, къ чему тебя влечетъ твоя природа;
Лишъ просвѣщеніе писатель дай уму:
Прекрасный нашъ языкъ способенъ ко всему.

* * *

ПРИМѢЧАНІИ

На употребленныя, вЪ сихЪ ЕпистолахЪ, стихотворцовЪ имена.

АНАКРЕОНЪ, Греческій Лирикъ. Жилъ во время Поликрата мучителя Самосскаго, лѣтъ за 500. до Рождества Христова, и былъ современникъ Киру, Крезу, Солону, и Есопу. Писалъ Оды, или лучше сказать: Пѣсни любовныя, и пьянственныя, которыя высоко поставляются.

АРИСТОФАНЪ, Греческій Комикъ, современникъ Еврипиду, Демосѳену, и Сократу. Жилъ за 437. лѣтъ до Рождества Христова. Плутархъ его Менандру предпочитаетъ. Платонъ глава Академиковъ, ученикъ Сократовъ, и учитель Аристотелевъ, сочиненіи его много почиталъ. Сократу и Еврипиду былъ Аристофанъ великій неприятель. Изъ комедій его осталось одиннатцать.

АРІОСТЪ, Феррарецъ, стихотворецъ Италіянскій. Умеръ Іюля 13. дня, въ 1533. году, 69. лѣтъ. Сочинилъ поему называемую Роландъ.

ВИРГИЛІЙ, знатнѣйшій Римскій стихотворецъ, родомъ Мантуанинъ. Родился 15. Октября, въ 684. году, отъ созданія Города. Былъ въ милости у Августа, любимъ Меценатомъ и Поллїономъ. Въ Еклогахъ своихъ подражалъ онъ Ѳеокриту, въ Георгикахъ Гесїоду, въ Енеидахъ Гомеру. Енеиды, которымъ весь свѣтъ удивляется, приказалъ онъ при смерти своей, послѣ себя сжечь, какъ трудъ еще неисправленный; однако по повелѣнію Августа, два хорошія стихотворцы, друзья

Верги-

Виргиліевы, Туккъ и Варій, ихъ просмотрѣли, и ни чего отъ себя не прибавляя ихъ исправили, однимъ только отсѣченіемъ того, что имъ по справедливости не показалось. Всѣ Виргиліевы сочиненіи преславны, а особливо Енеиды, которыя почитаются лучшимъ на свѣтѣ стихотворствомъ.

ВОЛЬТЕРЪ, великій стихотворецъ, и преславный Французскій Трагикъ, лучшія его трагедіи суть: Альзи́ра, Меро́па, Брутъ, и Маріамна. Генріяда *Героическая его поема, есть нѣкое сокровище стихотворства. Какъ Генріяда, такъ и Трагедіи его важностью, сладостью, остротой и великолѣпіемъ наполнены. Складъ его лѣтучъ, слова избранны, изъясненіи проницательны, а все то купно показываетъ въ немъ великаго стихотворца.*

ГАЛЛЪ, стихотворецъ Латинскій. Былъ у Цесаря Августа въ великой милости, и здѣланъ отъ него Губернаторомъ Египта; однако за строгость свою и протчія неприятныя народу поступки оттолѣ изгнанъ, и по отчаяніи самъ себя умертвилъ, въ 728. году города, на 43. вѣка своего. Виргилій и Овидій ему друзья были.

ГИНТЕРЪ, Нѣмецкій стихотворецъ, послѣдняго времени, котораго тщательно составленныя и вычищенныя имъ стихи хотя таковыхъ и гораздо меньше, нежели другихъ, превеликой похвалы достойны.

ГОМЕРЪ, славнѣйшій Греческій стихотворецъ, творецъ Иліяды и Одиссеи. Думаютъ, что онъ жилъ, спустя 302. года, послѣ Троянской войны, за 207. лѣтъ до Рождества Христова. Въ Иліядѣ послѣ-

воспѣваетъ онъ Ахиллесовъ гнѣвъ, или паче Троянскую брань, а въ Одиссеи, Путешествіе Улиссово. Какой онъ былъ уроженецъ, того никто подлинно не вѣдаетъ: а Геродотъ называетъ его Еоляниномъ. Семь городовъ о его уроженіи спорили. Александръ великій содержалъ писмы его въ превеликомъ почтеніи. Греки его почти боготворили: и называется онъ отцомъ стихотворцовъ.

ГОРАЦІЙ, Лирикъ и Сатирикъ Римскій. Родился въ 689. году, отъ созданія Города. Былъ у Августа и Мецената въ милости. Умеръ 57. лѣтъ. отъ него имѣемъ мы Наставленіе стихотворцамъ, которому подражалъ Боало, Оды, Сатиры и Епистолы, всѣ его сочиненіи содержатся въ великомъ почтеніи.

ДЕПРО БОАЛО, преславный стихотворецъ, Сатирикъ Французскій. Родился въ Парижѣ, 5. декабря, 1636. году. Умеръ 13. Марта, въ 1711. году, на 74. вѣка своего. Сочиненіи его суть: Наставленіе стихотворцамъ. 12. Сатиръ. 12. Епистолъ. и Поема Героическая шутошная. Слава его, къ чести Французскаго стихотворства, по всей Европѣ распростерта.

ДЕТУШЪ, знатный Французскій Комикъ. Комедіи его Тщеславный, и Женатый Философъ, безмѣрно хороши.

ЕВРИПИДЪ, славный Греческій Трагикъ, родился въ Саламинѣ, по 2. году 75. Олимпіяды, въ 275. году отъ созданія Рима, за 479. лѣтъ до Рождества Христова. Былъ современникъ Софоклу, и другъ Сократу. Изъ трагедій его осталось осмь-

натцать, которыя почти въ такомъ же содержатся почтеніи, какъ и Софокловы.

ЕШИЛЛЪ, Греческій Трагикъ, и установитель прямыя трагедіи, родился въ 1. году 60. Олимпіяды, за 540. лѣтъ до Рождества Христова. Умеръ 65 лѣтъ. Изъ трагедій его нынѣ семь осталось.

КАМОЕНСЪ, славный стихотворецъ Португальскій, или Виргилій тамошній, творецъ Епической Поемы Лусіяды. Умеръ въ 1579. году за 50. лѣтъ вѣка своего.

КИНО, творецъ Французскихъ Оперъ, стихотворецъ нѣжной Лиры, уроженецъ Парижскій. Родился въ 1633. году. Умеръ въ 1688. Ноября 26. дня.

КОРНЕЛІИ, нареченный Великій, преславный Трагикъ Французскій. Родился въ Руанѣ, въ 1606. году, Іюня 6. дня. Умеръ въ 1684. году. Великимъ названъ онъ, не столько отъ хорошаго стихотворства, какъ отъ великаго духа, и высокихъ мыслей. Лучшія его трагедіи суть: Ци́нна, Родогу́на, Гора́цій, Цидъ, Поліе́вктъ, Помпе́й и Ира́клій.

ЛОМОНОСОВЪ, русскій стихотворецъ хорошій Лирикъ. Петербургской Академіи наукъ, и историческаго собранія членъ, и Профессоръ Химіи.

ЛОПЪ, славный Ишпанскій Комикъ. Умеръ Августа 24. дня, въ 1635. году, на 72 вѣка своего. Былъ Кавалеръ Малтійскаго ордена. Сочинилъ триста комедій.

ЛУКАНЪ, Латинскій стихотворецъ. Родился въ Ишпаніи, въ 39. году, отъ Рождества. Въ Римъ привезенъ онъ осьми лѣтъ. Былъ у Нерона въ великой

ликой милости, а потомъ отъ славнаго сего мучителя умершвленъ, растворенїемъ жилъ. Сочинилъ поему о Фарсальской между Цесаремъ и Помпеемъ брани.

ЛУКРЕЦІИ, стихотворецъ Римскїй. Родился въ 657. или въ 658. году Рима, сочинилъ Поему въ шести книгахъ, о естествѣ вещей.

МАЛГЕРБЪ, Французскїй стихотворецъ славный Лирикъ. Родился около 1555. году. Умеръ въ Парижѣ, въ 1628. году.

МЕНАНДРЪ, лучшїй Греческїй Комикъ. Родился въ Афинахъ по 109. Олимпїядѣ, ученикъ Ѳеофрастовъ. Былъ въ превеликомъ почтенїи, и нѣкоторыя Государи къ нему посольствы присылали съ прошенїемъ, чтобъ онъ прiѣхалъ быть при нихъ; однако онъ отъ того отрекся. Былъ въ протчемъ весьма нѣженъ, и особливо въ платьѣ, а притомъ и влюбчивъ. Терентїй Римскїй Комикъ ему подражалъ, и переводилъ комедїи его.

МИЛЬТОНЪ, преславный Аглинскїй стихотворецъ, творецъ Епической Поемы, Потеряннаго Рая. Родился въ Лондонѣ въ 1606. году, умеръ въ 1674. году.

МОЛІЕРЪ, преславный Французскїй Комикъ, или паче славнѣйшїй изовсѣхъ комиковъ на свѣтѣ. Родился въ Парижѣ въ 1620. году, умеръ на 53. вѣка своего, въ 1673. Февраля 17. дня. Лучшїя его комедїи суть: Мизантропъ, Лицемѣръ, Школа женъ, Школа мужей, Ученыя женщины, и Амфитрїонъ.

ОВИДІЙ, знатный Римлянинъ, и великїй стихотворецъ. Родился въ 711. году, отъ созданїя Города.

Былъ у Августа Цесаря въ милости; но послѣ сосланъ въ ссылку, которыя причины подлинно никто не знаетъ. Нѣкоторыя изъ сочиненій его пропали, между которыми и послѣдніи книги фастовъ, и трагедія Медея, которую Тацитъ, Квинтиліянъ и другія похваляютъ. Всѣ его сочиненія, какъ Превращеніи, Героиды, Елегіи, такъ и протчія, содержатся въ великомъ почтеніи.

ПЕРСІЙ, сатирикъ Римскій. Жилъ во время Императора Нерона. Умеръ на 28. году жизни своей.

ПИНДАРЪ, Греческій стихотворецъ, и глава Лириковъ, родомъ Ѳебанинъ. Жилъ до Рождества Христова съ лишкомъ за 470. лѣтъ. Его сочиненія было много книгъ, однако остались только оды, которыя онъ сочинялъ при Олимпійскихъ, Истмиескихъ, Пиѳиесскихъ и Немейскихъ играхъ. Былъ въ Греціи въ превеликой чести: и не только онъ; но и потомки его въ почтеніи содержались. Александръ великій, больше ста лѣтъ послѣ смерти сего великаго стихотворца, разоряя Ѳебанскій городъ, дому тому, въ которомъ жилъ сей стихотворецъ, не прикоснулся изъ почтенія.

ПЛАВТЪ, Римскій Комикъ. Умеръ въ 570. году, отъ созданія Города. Изъ комедій его осталося двадцать. Былъ человѣкъ разума остраго.

ПОПЪ, остроумный Аглинскій писатель, стихотворецъ послѣдняго времяни.

ПРОПЕРЦІЙ, Латинскій стихотворецъ. Былъ любимъ Меценатомъ и Корнеліемъ Галломъ. Казненъ по повелѣнію Августа, отсѣченіемъ головы, за то что онъ прилѣпился къ сторонѣ Антоніевой. Сочиненіи его суть стихотворствы любовныя.

РАСИНЪ, великїй стихотворецъ преславный трагикъ Французскїй. родился въ 1639. году. Умеръ въ 1699. Апреля 22. дня на 59. году, жизни своей. Стихотворство его всякую похвалу превосходитъ. Лучшїя его трагедїи суть : Аѳалїя, Федра, Ифигенїя, Митридатъ, Андромаха, британикъ.

РУСО, Французскїй стихотворецъ послѣдняго времени, славный Лирикъ.

САФО, стихотворица, изъ Милитина, столичнаго города острова Лесбоса. Жила лѣтъ за 600. до Рождества Христова. Сочиненїи ее состояли въ 9. книгахъ одъ, во многихъ книгахъ Епиграммъ. Дѣлала Елегїи, стихи Епиталамическїя, и много другихъ стихотворствъ составляла; однако всѣ ее сочиненїи кромѣ двухъ Одъ и двухъ Епиграммъ пропали. Сократъ, Аристотель, Страбонъ, Дїонисїй Галикарнасскїй, Лонгинъ, и Императоръ Іулїянъ, ей похвалу приносятъ. Сверьхъ того ставится, что и Овидїй въ лучшихъ своихъ стихахъ, которыя трогаютъ серца, подражалъ сей стихотворицѣ.

СОФОКЛЪ, знатнѣйшїй Греческїй Трагикъ, ученикъ Ешиллловъ, котораго онъ далеко превозшелъ. Родился во 2. году 71. Олимпїяды, въ Колонѣ городкѣ Аттическомъ. Умеръ въ 349. году отъ созданїя Рима, въ 90. лѣтъ вѣка своего, за 405. лѣтъ до рождества Христова. Изъ трагедїй его понынѣ только семь осталось.

СЮЗЪ [де ла] Графиня, Французская стихотворица. Писала Елегїи.

ТАССЪ

ТАССЪ, славнѣйшій Италіянскій стихотворецъ, Творецъ Епической Поэмы, Освобожденнаго Еруса-лима, и пастушей Поэмы Аминта. Родился въ королевствѣ Неаполитанскомъ. Умеръ въ 1595. году, на 51 вѣка своего.

ТЕРЕНТІЙ, лучшій Римскій Комикъ, родомъ Африканецъ изъ Карѳагены. Былъ прежде невольникъ Терентія Лукана, и получилъ свободу за разумъ. Подражалъ Менандру, а ему подражалъ Моліеръ. Умеръ въ 595. году отъ созданія Города. Изъ комедій его осталося шесть.

ТИБУЛЛЪ, Римлянинъ времени Цесаря Августа, и стихотворецъ латинскій, родился въ 711. году Рима, въ одномъ году съ Овидіемъ, за 43. года до Рождества Христова. Горацій и Овидій были ему друзья. Умеръ очень молодъ, за 17. лѣтъ до Рождества. Сочинялъ Елегіи, которыя въ почтеніи содержатся. Овидій смерть его въ прекрасной Елегіи оплакиваетъ.

ФОНТЕНЪ [де ла], славный Французскій стихотворецъ. Сочиненіи его суть: Притчи и Сказки, которыя отъ погруженнаго въ простотѣ искусства, самыми Музами сочинены быть кажутся. Умеръ на 74. году вѣка своего, въ 1695. году Апрѣля 13. дня.

ШЕКЕСПИРЪ, Аглинскій Трагикъ и Комикъ, въ которомъ и очень худова и чрезвычайно хорошева очень много. Умеръ 23. дня Апрѣля, въ 1616. году, на 53 вѣка своего.

ЮВЕНАЛЪ, Сатирикъ Римскій. Жилъ во время перваго вѣка по Рождествѣ.

ѲЕО-

ѲЕОКРИТЪ, Греческій стихотворецъ, урожденцемъ Сиракузецъ. Жилъ при дворѣ Птоломея Филадельфа въ Египтѣ. Сочинялъ Идилліи, которымъ Виргилій подражалъ въ своихъ Еклогахъ.

ѲОНДЕЛЬ, славный Голандскій стихотворецъ, или Виргилій тамошній, Трагикъ хорошій. Жилъ въ 17. вѣкѣ. Умеръ 5. дня Февраля въ 1679. году, на 92. вѣка своего.

* * *

Печатано при Императорской Академіи наукъ въ 1748 году.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.